

ХРАНИТЬ ДО

Секретно

СЕРЕБРЯНАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО № 2

Артефакт

Начато: " _____"
Окончено: " _____"
Число листов: _____
Хранить: _____

Виталий Останин

Виталий Сергеевич Останин

Артефакт

Серия «Серебряная Секция», книга 2

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69296146*

Аннотация

Расследование ритуального убийства в провинциальном Екатеринодаре привело к обнаружению целого заговора, обнаружение которого способно запустить межвидовую войну. Опытный следователь Антон Лисовой увяз в этом деле крепко, да еще попутно сумел основательно испортить отношения с губернатором края – довольно злопамятным эльфом, который проворачивал свои преступные схемы.

К счастью один пожилой орк, шеф управления по борьбе с особо опасными магическими преступлениями, остался его другом. С его помощью Лисовой планирует перевестись в Серебряную секцию, федеральную службу контроля запретной магии.

А еще у него в планах девчонку эту, из параллельного мира, как-то пристроить. И как-то постараться, чтобы никто не узнал, что она единственный человек на планете, обладающий стихийной магией.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	33
Глава 4	46
Глава 5	59
Глава 6	72
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Виталий Сергеевич Останин Артефакт

Глава 1

На утро 27 сентября у меня было назначено заседание дисциплинарной комиссии. Повезло. Точнее, не обошлось без вмешательства Лхудхара, моего все еще начальника и, как бы это странно ни звучало, друга. Не надави он, все могло затянуться на пару недель. Надзирающие офицеры из внутренних расследований не привыкли работать в спешке, но тут пришлось расстараться. Всего каких-то два дня ожидания, проведенных в вынужденном отпуске, и я мог, наконец, написать заявление о переводе. И приступить, черти бы его драли, к делу, от которого, без шуток, зависела не только моя жизнь, но и мир во всем мире.

– Думал ли простой следователь Антон Лисовой, что от его решений будет зависеть судьба всех разумных на этой планете! – шепотом, чтобы никто, не дай боги, не услышал, пробурчал я, подражая закадровому голосу диктора из «Звездного патруля¹».

¹ «Звездный патруль»: перезапуск научно-фантастического сериала восьмиде-

«Внутряки» располагались в сверкающем стеклом и металлом новеньком офисном здании в четыре этажа, находящемся в историческом центре города. Дорогое место, пафосное, в этом районе еще краевой суд находился – здоровенная махина, занимающая весь квартал – и куча адвокатских контор. Найти здесь парковку в разгар рабочего дня было очень непросто, поэтому я попросил, чтобы служебная машина высадила меня и уехала. Добираться после комиссии до места службы я намеревался на общественном транспорте.

В широком атриуме, из-за обилия кожаных диванов и деревянных стенных панелей больше походившем на холл дорогой гостиницы, располагалось электронное табло с перечнем дел, которые сегодня рассматривали надзирающие. Их только на утро было назначено больше пятидесяти – провинция или нет, а население Екатеринодарской агломерации уже значительно перевалило за миллион разумных. Быстро найдя в списках свою фамилию, я двинул на последний этаж к кабинету 422, где уселся на удобной кушетке для посетителей и стал ждать, когда меня вызовут. Возле двери с нужным мне номером не было ни души.

Заседание дисциплинарной комиссии было связано с двумя убитыми мной наемниками, которые, вообще-то собирались прикончить меня. Официально в материалах дела зна-

сятых годов прошлого века на Земле-4. В основе сюжета приключения команды космического корабля, состоящей из всех (в том числе нескольких уже уничтоженных) разумных видов планеты. Осенью 2020 года телеканал «Говад Инк», являющийся владельцем сериала, официально продлил его на шестой сезон.

чилося, что они таким образом заметали следы, то есть «действовали с целью оказания давления на органы правопорядка», а попросту – желали заткнуть рот следователю, который якобы «дышал им в затылок». На деле же за мной их послал настоящий злодей и преступник – губернатор края Рухефалион из дома Горькой Воды. Последнее, конечно, я никогда и нигде не произнесу вслух – во-первых, я себе не враг, во-вторых, не имел на руках никаких доказательств, а в-третьих, дал нерушимую эльфскую клятву, скрепленную магией. Да и людей его не я сам убил, а магия, пересаженная девушке из параллельного мира от зарезанного на запретном ритуале эльфа, но об этом тоже стоит молчать.

Дельце хоть и вышло запутанным, но после тщательного заметания следов превратилось просто в громкое, но вполне объяснимое преступление. Поэтому ничего особого от разбирательства я не ждал – не первым оно было в моей жизни. Правда, раньше мне не приходилось отвечать за убийство двух человек. Все больше по мелочи.

Один раз, например, я тоже стрелял на поражение, но тогда подозреваемый выжил, так что все ограничилось скучным чтением протоколов участвующих в задержании лиц и принудительным походом к штатному психологу управы. Видимо, «внутряки» посчитали, что выстрел в ногу торговцу «живым товаром» лишит меня ночного сна. Наивные! Да я бы тому уроду и голову прострелил, не будь мне так нужны его показания!

Сегодня, скорее всего, будет примерно так же. Зачитают рапорт детектива-территориала, который вел мой допрос, показания квартального и патрульных казаков, объяснения гражданки Смирновой, заключение судмедэксперта и характеристику с места службы, и отправят к мозгоправу. Я честно отхожу к нему неделю, получу свидетельство о душевном здоровье и смогу без спешки заняться своими делами.

Когда в коридор из 422-го выглянул грузный мужик в мешковатом костюме и хрипло спросил, есть ли тут следователь УБОМПа Лисовой, я воспитанно поднялся и кивнул.

– Проходите, – он вышел за дверь и дал мне пройти внутрь, после чего вошел вслед за мной и запер дверь. На ключ. Я усмехнулся – ничего не меняется— и оглядел кабинет.

Тут тоже все было знакомо: «расстрельная четверка» за длинным столом у дальней стены, стул в пяти метрах от стола, и второй пристав, похожий на первого, как брат-близнец, только у него усы, напоминающие мохнатую садовую гусеницу, имелись.

– Присаживайтесь, Антон Вадимович, – без интонаций произнес один из «четверки», судя по всему, председатель комиссии. – Меня зовут Игорь Данилович Прусков. Мои коллеги: Герман Леонидович Жлобы, Виктор Андреевич Шкловский, Анна Валерьевна Новикова. Мы уполномочены рассмотреть ваше дело и вынести вердикт. У вас нет отводов по составу комиссии?

– Нет, с чего бы, – буркнул я, усаживаясь на жесткий стул напротив «четверки». – Давайте приступим.

По давней традиции своих званий и должностей в системе «внутряки» не называли. Раньше, говорят, они вообще за непрозрачным стеклом сидели, чтобы лица не показывать и избежать возможного давления. Но, хвала эпохе открытости и правящему дому, это уже в прошлом. То еще, должно быть, удовольствие, разговаривать с черным закаленным стеклом, когда тебя в чем-нибудь хотят обвинить.

– Ну, давайте, – демонстрируя энтузиазм, которого он на самом деле не испытывал, сублильный и сухощавый Прусков потер ладошки друг о друга и раскрыл лежащее перед ним дело. – Лисовой Антон Вадимович, 1992 года рождения, место рождения: станица Нова, Екатеринодарский край.

– Верно.

Вот за это я больше всего «внутряков» не любил. Так-то понять их можно – у всех своя служба, пусть и такая неприятная, как поиск врагов среди своих, но вот зачем так выделываться? Что за способ такой мерзкий, демонстрировать собственную власть тупыми вопросами, на которые к тому же я еще и отвечать обязан! Что, в личном деле какая-то другая информация записана? Или на лжи меня поймать пытаются? Мракобесы!

– Согласно рапорту старшего детектива Игнатова, вы сами вызвали полицию после случившегося.

Через пару минут, когда Прусков закончил зачитывать

мои паспортные и биографические данные, он перешел наконец к делу.

– Все верно.

– Почему не сделали этого раньше?

Чего? Раньше? Это когда? Когда та перекачанная наемница меня в живот кулаком приложила или когда сломанной куклой на диване валялся, не имея возможности даже голову повернуть?

– Был не в состоянии.

– Объясните.

– Ворвавшись, нападавшие вкололи мне и моей спутнице какой-то наркотик, в результате чего я лишился возможности двигаться и говорить.

– В заключении медэксперта нет упоминания никаких наркотиков в вашей крови.

– Вероятно, высокая скорость распада.

– Откуда вы знаете?

– Я не знаю, а предполагаю!

Вот за что их любить, а? Сидят, всякую чушь спрашивают, а погоны со званиями такие же, как в полиции! Только кто-то под пулями ходит, а кто-то зад отсидживает в кабинете.

Сидевший по правую руку от Праскова пухлощекий Жлобы сделал какую-то пометку у себя в блокноте.

Какое-то время «четверка» задавала вполне вменяемые вопросы: кому принадлежала квартира, в которой все случилось, как я там оказался, в каких отношениях состою с

гражданкой Смирновой 1995 года рождения. Неприятные, но адекватные, я бы, ведя следствие, сам не преминул такое уточнить. Но затем...

– Три ножевых удара подозреваемому мужского пола нанесли вы?

Личности убитых Кэйтлин наемников до сих пор не удалось установить, поэтому в документах они так и фигурировали: подозреваемый мужского пола, подозреваемая женского пола. Почему подозреваемые, а не пострадавшие? Потому что проходили они по делу муниципального служащего Линькова, которого порешили, инсценируя ритуальное убийство.

– Верно.

– Почему три?

– Что, простите?

– Почему именно три удара? – как и прежде без интонаций уточнил Прусков.

– Бог любит троицу, – ляпнул я зло, не успев подумать, что шутить с «внутряками» чревато.

– Вы принадлежите к одной из христианских конфессий?

– Нет, а мое вероисповедание имеет отношение к делу?

– Это будет решать комиссия. Так почему именно три удара, Антон Вадимович?

– Слушайте, я не знаю! Все очень быстро произошло, я, как вы понимаете, не особенно думал, просто делал.

– У вас была возможность в процессе защиты наносить

подозреваемым нелетальные ранения?

– Боюсь, что нет. Их было двое, они были профессиональными военными, а защищался только я один. Гражданка Смирнова на тот момент была без сознания.

– Согласно заключению посмертного вскрытия, все удары были нанесены в сердце, то есть каждый из них был для подозреваемого смертельным.

А, вот оно что. Теперь хотя бы понятно, с чего он так прицепился с этими тремя ударами! Ну что же, имеется у меня ответ и на этот вопрос.

– Я находился в состоянии аффекта.

– Данное состояние официально зафиксировано?

– Кем? Подозреваемым мужского пола или подозреваемой женского пола? – я опять не смог удержаться от сарказма. И на этот раз, кажется, немного смутил председателя комиссии.

– По прибытию полиции и медицинских работников, – удосужился пояснить он.

– Не знаю. Дело у вас, я его не читал.

– Характер нанесенных ранений, а также тот факт, что все они пришлись в область сердца, говорит, что вы действовали обдуманно. Очень четкие и хорошо поставленные удары.

– Так и написано в заключении медэксперта?

«Валит! – мелькнула мысль. – Как преподаватель студента, про которого точно знает, что тот пил, гулял и безобразничал, но к экзамену не готовился. С чего бы? Личная

неприязнь? Да я знать не знаю этого Прускова!»

Последующие вопросы «внутрика» показали, что в своем предположении я не ошибся. Он спрашивал про обстоятельства, приведшие меня в квартиру, степень знакомства с Кэйтлин, сложившиеся в коллективе УБОМПа отношения, но больше всего его интересовали именно нанесенные мной удары мужчине и следы удушения на шее женщины.

– Почему вы не использовали против подозреваемой женского пола нож, которым трижды ударили подозреваемого мужского пола?

– Она его выбила.

– Почему не прекратили удушение после того, как она потеряла сознания?

– Мы боролись, она сопротивлялась.

И так далее, и тому подобное. Причем каждый полученный от меня ответ приводил ко все новым и новым уточняющим вопросам, порой настолько вывернутым в плане логики и здравого смысла, что надо было быть совсем уж тупым, чтобы не понять, к чему меня подводят. К обвинению в превышении пределов необходимой обороны, вот к чему! Даже не будь я от природы (и благодаря профессии) подозрительным человеком, и то бы сделал вывод, что у председателя комиссии была такая цель с самого начала заседания.

Я на провокации не поддавался. Забыл о том, что умею шутить и ерничать, вычистил из речи сарказм и превратился в машину, отвечающую на вопросы сухо, лаконично и строго

по делу. Никак не демонстрируя своего отношения к происходящему. Так прошло еще полтора часа, пока наконец мы не закончили.

– Спасибо за сотрудничество, – фирменной фразой «внутриков» попрощался Прусков. – Заключение комиссии будет передано вашему руководству в течение сегодняшнего дня.

Тут он позволил человеческим эмоциям появиться на лице голема. Улыбнулся.

– Нас просили рассмотреть ваше дело в приоритетном порядке.

Прозвучало очень двусмысленно. Так, словно речь могла идти и о просьбе Лхухара, желающего чтобы с его сотрудником побыстрее разобрались, и чьей-то еще. Может, я себя и накручивал, но тут явно пахло заказом на мою голову.

Я кивнул. Не тратя времени на ответ, поднялся и вышел из кабинета. Едва оказался в коридоре, как за спиной скрежетнул в замке ключ. Сел на кушетку и крепко задумался.

«Судя по его вопросам, а главное – по тому, как он их задавал, будет большой удачей, если я отделаюсь неполным служебным соответствием, – выстраивались в голове соображения. – Прусков явно натягивает на превышение пределов обороны. И упирает на то, что я находился не при исполнении служебных обязанностей. На преследование по убийству они, конечно, не пойдут, но...»

А вот то, что шло в размышлениях после «но», мне совсем не нравилось. Потому что навскидку я мог вспомнить только

одного фигуранта, которому было выгодно сделать мне гадость. То есть на самом деле таких людей (и нелюдей) было предостаточно, но среди них только один имел столько влияния, чтобы его просьба сделать Лисовому плохо трансформировалась в приказ.

Губернатор Руфи.

«Только вот он себе клятвой связал руки! – возразил я сам себе. – Не далее, как два дня назад, ты при этом присутствовал, помнишь? И шеф там же был, он подтвердил, что все прошло как должно».

После того, как Кэйт магией убила ухорезов губернатора, Лхудхар сумел убедить его, что худой мир лучше доброй ссоры. В том смысле, что сам орк, как и я, обязался молчать о темных делишках Рухефалиона, но только в том случае, если эльф оставит попытки меня убить или навредить каким-то иным образом. Договор этот скрепили магической клятвой, которая гарантировала его исполнение. И разошлись.

А теперь я отчетливо вижу руку губернатора в работе дисциплинарной комиссии. Значит ли это, что он сумел обойти договор?

– Вряд ли, – отмахнулся Агрих Дартахович, когда я спустя полчаса заявился к нему в кабинет и сообщил о своих подозрениях. – Эльфскую клятву невозможно обойти, иначе какая бы это была клятва? Скорее всего, наш ушастый друг просто предусмотрительно отдал приказ испортить тебе жизнь до того, как произнес нужные слова. Зная его, я в

этом почти уверен.

Орк восседал за столом и выглядел очень усталым: белки глаз покраснели, шерсть на голове стоит дыбом, мундир помят. Ничего удивительного, пока я числился отстраненным, ему пришлось чуть ли не самостоятельно дело о «ритуальном убийстве» закрывать. Понятно, что у него имелись и другие подчиненные кроме меня, но кому из них он мог доверить правду? О том, что наемники действовали по приказу губернатора, например.

– А! Ну теперь-то мне сразу стало легче стало! – воскликнул я. – Клятва соблюдена, и мне ничего серьезного не грозит! Так, максимум обвинение в непреднамеренном убийстве!

– Скорее, рекомендация отправить тебя в отставку с выплатой пособия, – не согласился шеф. – Обычно «внутри» предлагают именно такое решение. Они же тоже полицейские, цеховая солидарность им не чужда, что бы ты там о них не думал. Да и кому понравится, если они начнут за каждый рабочий прокол отправлять своих за решетку?

– Seriously? Мне сейчас должно стать легче?

– Я что, твой психолог, Лисовой, чтобы тебе легче становилось? Я излагаю факты.

Не сказать, будто мне стало плохо настолько, чтобы в глазах потемнело, но неприятный холодок на загривке я ощутил. Начальник не шутил – дисциплинарная комиссия действительно планировала поступить именно так. Изучила мое

дело, выяснила слабые его места и полноценно по ним работала.

– А ему за это ничего не будет? – на всякий случай уточнил я. – В смысле, Руфи.

– Нет. Формально он не нарушал клятву. А за действия, совершенные до произнесения слов, он не может нести ответственность.

– Твою мать! Шеф, а вы...

– Воздействовать на них? – невесело ухмыльнулся орк. – Лис, как ты думаешь, почему комитет внутренних расследований вынесен за вертикаль подчинения аппарата региональных полицейских управлений? Именно для того, чтобы избежать подобных вопросов. Чтобы начальник не мог «отмазать» своего подчиненного, если ему в голову придет такая замечательная идея. Их руководство в Москве, а там у меня хоть и есть знакомые, но не настолько задолжавшие, чтобы помочь с этим.

– Секция формально тоже в вертикаль подчинения не входит, – напомнил я, понимая, впрочем, что Лхудхар прав.

– Но они договороспособны, – отрезал тот. – Точнее, их здешняя начальница такова. Да ты не накручивай раньше времени. Уголовки там точно не будет, а остальное – вполне поправимое дело! Будет рекомендация к увольнению – пойдешь в секцию гражданским консультантом.

– Да? – не скрывая сарказма, буркнул я. – Какое облегчение!

– В любом случае, нам нужно дождаться резолютивной части от «внутряков».

Спустя два часа, которые я провел в пока еще своем кабинете как на иголках, Лхухар снова вызвал меня к себе. Едва войдя, я понял, что сбылись наши с ним худшие прогнозы – вид у орка был донельзя хмурым.

– Что? – спросил я, хотя в этом, по большому счету, уже не было необходимости – ответ был написан на лице начальника.

– Рекомендовано отправить старшего следователя УБОМ-Па Лисового А.В. в отставку, – прочел тот с лежащего перед ним на столе листа. – Запретить Лисовому А.В. занимать должности в системе государственной и муниципальной службы, а также приравненных к ним, в течение трех лет. Выплатить Лисовому А.В. выходное пособие в полном объеме. Решение дисциплинарной комиссии Комитета внутренних расследований города Екатеринодар может быть обжаловано в суде общей юрисдикции... впрочем, это фигня все, Лис. Ни одного раза на моей памяти гражданский суд не отменял внутриведомственных решений. Трата времени и денег, ну и видимость возможности исправления произвола.

Я сел на стул. Выдохнул. Ну вот и все. Приплыли, ка-заки. Внутри еще толкались гневные мысли, что «я этого так не оставляю», что «внутряки» перегнули палку, выполняя негласное распоряжение губернатора. Но рассудочная часть меня понимала, что они никогда бы на это не пошли, не будь

у них на сто двадцать процентов прикрыты тылы.

Хитрый эльф меня переиграл. Согласился на клятву, заключил со мной сделку, но подстраховался даже на тот случай, если я смогу ее нарушить. Теперь, после увольнения из полиции, ему с моей стороны ничего не грозит – кто поверит бывшему полицейскому, которому вместо увольнения с позором предложили отставку, и он согласился? Да уж, долгая жизнь даже не самым умным представителям вида дает опыт, способный компенсировать отсутствие мозгов. А уж умным...

– С идеей гражданского консультанта, как я понимаю, тоже ничего не выгорит? – уже зная ответ, уточнил я.

– В том виде, как мы обсуждали, нет, – задумчиво кивнул орк. – Но знаешь, мне тут в голову пришла идея...

[1]

Глава 2

Идея начальника меня не то что не вдохновила, больше напугала. Нет, у меня бывали ночные кошмары и страшнее, но там обычно всякие чудовища наличествовали, а порой и девушки, с которыми я не очень хорошо расстался, мстить приходили. Но до концептуальных конструкций, озвученных орком, мои фантазии еще не добирались. Я даже переспросил в надежде, что ослышался:

– Детектив?

– Да.

– Частный детектив?

– Да. Тебя что, заклинило? Есть неплохой рецепт, кстати. Наша орочья народная медицина. У тебя, с учетом крови, даже побочных эффектов не будет... не должно быть. И, главное, в основе – двенадцатилетний коньяк!

– Шеф, но это!..

– Хорошая возможность адаптироваться к ситуации. Да ты послушай, не отбрасывай сразу. Смотри, сплошные же плюсы: доходы выше, чем в полиции, с отчетностью не так строго, свободный график, дурного начальства сверху нет...

– Я вас никогда дурным не считал!

– Это приятно, но я не про себя говорил. Минусы, конечно, тоже имеются...

– Да ладно!

– Как без них.

Лхудхар поднялся, прошел к шкафу, извлек оттуда почти полную бутылку бренди. Хорошего – плохой ему доходы и воспитание пить не позволяли. Вопросительно вскинул брови, я согласно качнул головой. Плевать, что середина дня – повод более чем достойный. Я теперь безработный.

Орк быстренько сервировал столик в углу, разлил по бокалам напиток, едва заметным движением руки обозначил приглашающий жест. Я сделал небольшой глоток, позволил алкоголю мягко опуститься по пищеводу в желудок и тут же повторил.

– Яблочком вот, – сам же начальник в качестве закуски использовал жесткие брусочки рыбы.

– Благодарю. Шеф, как вы это едите, все спросить хотел?

– Треску-то? Медленно. Знаешь, кидаешь в рот и скорее рассасываешь, чем жуешь. Ну и у орков челюсти сильнее, зубы прочнее...

– Я про вкус.

– А ты попробуй!

Так как жизнь моя все одно в разнос пошла, я решил, что хуже уже не будет – куда, блин, уже? Сперва бренди глотнул, ничего такой, может, и правда двенадцатилетний, потом яблочком хрустнул, а затем орочьей закуски самый маленький кусочек в рот забросил. Как ни странно, она оказалась не такой соленой, как выглядела. И в сочетании с алкоголем и мелким кислым яблочком, зашла на ура. Правда, вкусовые

рецепторы секунд через десять парализовало, будто я обезболивающим рот прополоскал, но ненадолго.

– Значит, идея заключается в том, что я стану частным детективом? – вернулся я к теме, когда эффект от закуски шефа где-то через минуту сошел на нет. – Вот так вот просто и без затей. А зачем?

После пары глотков хорошего алкоголя идея заделаться частным сыщиком уже не вызывала у меня такого ужаса, как в самом начале этого странного разговора. Работа... будет нужна, а я всю свою жизнь злодеев ловил и как бы больше ничего хорошо делать не умею. Другое дело, что частники никогда не занимались ничем серьезным – с моей точки зрения. Слежка за неверными женами или мужьями, конкурентами в бизнесе, возвращение загулявших деток богатеньким родителям, ну и что они еще там делают? Промышленный шпионаж и охрана? Частный сыск и расследования убийств или магической контрабанды в моей голове никак не желали складываться в пристойный рисунок.

– Вряд ли без затей удастся, – хмыкнул Лхудхар. Он, кажется, ждал, что я сейчас рыбу его сплевывать начну, ну так не знал шеф, что мы в общаге вузовской в качестве закуски жрали. – Там и оформиться не так просто, и лицензию получить, и клиентскую базу набрать требуется.

– Но не мне, – «угадал» я, куда он клонит.

– Не тебе. У тебя хороший опыт, лицензию, разрешение на ношение и хранение оружия без проблем получишь. Да и

с клиентами я тебе помогу...

– А вы сейчас не какие-то свои вопросы решаете, Агрих Дартахович? – прищурился я.

– Отчасти, – не смутился орк. – Ну, раз для тебя так неудачно все сложилось – плакать теперь, что ли? Отказываться от следователя, которого я с самого вуза натаскивал? А порой, знаешь ли, бывают дела, которые полиция при всех своих возможностях расследовать не может. Имеются там, скажем, репутационные риски и еще много чего до кучи. Там следует аккуратно, без шума и привлечения внимания...

– Такое ощущение у меня возникает, что у вас уже и дело для меня есть?

– Вот видишь? Хороший следователь, читаешь между строк, слышишь между слов и чуйка развита! Дело не дело, а работа найдется. Можно даже сказать, что по прямому твоему привычному профилю. Магические артефакты...

– Стоп. Шеф, а почему дело не УБОМП ведет?

Ну, правда, странно. Зачем создавать управление по борьбе с магическими преступлениями, которое не будет эти самые преступления расследовать? Оно, конечно, приятно, что орк так о правнуке своего старого товарища заботится, но не слишком ли? Тут при желании можно и на должностное преступление натянуть!

– А мы вели, Лисовой, ты не сомневайся! Олег Морозов вел, весьма грамотно сумел доказать, что мы имеем дело со спором хозяйствующих субъектов, и закрыл дело за отсут-

ствием состава преступления. Вот будет второй эпизод, тогда, может, и снова откроем.

Против воли мне стало интересно. Меня фактически выпнули из полиции, обрубил возможность устроиться в Секцию даже консультантом, я решительно не знаю, что делать дальше и как мне себя вести хотя бы завтра, а вот, поди ж ты! Слушаю орка – и мне интересно! Правду говорят – следак не профессия, а диагноз.

Олега я знал. Хороший специалист, постарше меня и все больше по делам с экономическим уклоном работал – первое образование у него бухгалтерское. Если он сказал, что состава преступления нет, значит так и есть. Так что же мне за клиента хочет сосватать Лхудхар?..

Так! Стоп! Ты уже все, Лисовой? Принял новую реальность и примеряешь на себя работу частного сыщика? А Кэйтлин с ее проблемами, Секция, месть проклятому эльфу, в конце концов? Работая гражданским специалистом во всем этом особого успеха не добьешься – возможности не те.

Лхудхар без труда считал большую часть моих мыслей с лица. Плеснул в бокалы еще по порции бренди, не дожидаясь, пока я возьму свой, опрокинул алкоголь в рот, шумно выдохнул.

– Тут дело какое, Антон, – проговорил он. – Тебе надо в Секцию, тут мы с тобой все правильно просчитали. Там твое место и защита от Рухефалиона, если что не так пойдет. Но попасть туда ты не сможешь. Пока.

Он выразительно поднял палец, как бы говоря, что «пока» – это вопрос решаемый при должном подходе. И верно, следующей фразой он меня в этом почти убедил.

– Смотри. Запрет на занятие определенных должностей сроком на три года не мешает тебе стать консультантом Секции – формально. Фактически же, сразу после того, как ты выйдешь из дверей управы гражданским человеком, к тебе будет применен еще и антикоррупционный указ Его Императорского Величества, согласно которому сотрудник, уволенный из правоохранительных органов, не может сразу же заключить контракт на оказание услуг тем самым органам.

– Это я понимаю...

– Но! Если ты сначала сделаешь себе какое-никакое имя в сфере частного сыска, то указ уже не про тебя, понимаешь? Другими словами, тебе надо иметь в активе несколько отработанных контрактов, и вот тогда Амалайе ни один проверяющий не осмелится тыкать в лицо подозрениями в кумовстве. У нее будет вполне твердая позиция – не просто отставного полицейского, уволенного к тому же почти по приговору, к себе взяла, а толкового гражданского специалиста с репутацией и рекомендациями уважаемых людей.

– А...

– Одним из которых как раз является тот клиент, которого я тебе дам первым, – закончил с объяснениями орк. – Да и время пройдет, это тоже важный момент.

«Если оно есть у меня, это время!» – подумал я, но вслух

сказал совсем другое:

– Что там у вас за клиент, Агрих Дартахович? И, кстати, а сколько берет за услуги частный детектив?

Не знаю, бренди тут свою роль сыграл, или я просто посмотрел на будущее с другого ракурса, но внутри появилась какая-то уверенность, что все получится. Правда, спроси меня, что значит это «все» и как оно «получится», я бы внятного ответа дать не смог.

В общем, после полуторачасового разговора в кабинете шефа мне немного полегчало. Или стало не так хреново, по крайней мере, заявление на увольнение я написал практически не чувствуя, как рвется последняя невидимая нить, связывающая меня и систему охраны порядка Российской Империи. А ведь я с детства туда шел. Мечта была. Или отсутствие выбора?

Направление мне задал прадед. Зирох, сын Нхата, из клана Дидхор, тоже был полицейским, правда, не у нас, как он говорил, в глуши, а у себя на родине – в Британии. Когда он узнал, что его внучка в далекой северной стране родила мальчика, у которого проявились видовые возможности орков, он приехал в гости. Поселился неподалеку и стал помогать растить юного квартерона.

Мне тогда было года три, я даже не понимал, что существо, которое я называл «деда» и с упоением ползал по большой его спине, даже не человек. Даже гордился, если пра-

вильно все помню, что мой дедушка больше всех остальных.

Он учил меня пользоваться невеликими моими способностями, особенностям их проявления, неписанному этикету ментатов, а в качестве сказок на ночь использовал истории из своих расследований. Я вырос на рассказах об изучении доказательной базы, поединках интеллектов, погонях и преследованиях. И какой выбор профессии у меня был?

Нет, я на прадеда в этом вопросе не сердился, мол, лишил меня детства, навязал свою систему ценностей, заставил сделать выбор, который не был даже моим. Все это ерунда – в юридический я поступал осознанно, четко видя перед собой не одну только романтику профессии, но и имея представление о существовании подводных камней. О своем решении я никогда в жизни не пожалел и был, пожалуй, счастливым человеком. Точнее, человеком на своем месте, что, как по мне, важнее.

А теперь вот ехал в трамвае домой и под воздействием алкоголя размышлял о превратностях жизни и непредсказуемых ее изгибах. Три дня назад я был одним из лучших следователей в городе, вчера – отстраненным от службы полицейским, а сегодня – гражданским безработным. Который пытался себя убедить, что работа частного детектива не такая уж плохая альтернатива.

Черт! Проклятый Рухефалион! Проклятые его темные делишки! Проклятые эльфы из Первых семей, которым вдруг пришло в голову, что берег Кубани отлично подходит для

их очередного инвестиционного проекта. Решили, что будут строить тут «золотую милю» для богачей, и прут вперед, игнорируя препятствия с упорством бульдозера.

Как, интересной нам землей уже кто-то занимается? Обанкротить его, затащить в болото судебных споров, пустить все его достижения по ветру! Мелкий чиновник узнал, что губернатор все это провернул – убить, чтобы под ногами не путался и не мешал реализации грандиозных замыслов! И семью его тоже под нож, нечего раньше времени с прогулки возвращаться! Да и следака этого, который вдруг решил, что закон превыше всего, туда же!

Эльфы! Проклятые эльфы! Сидели бы со своей магией на родных обледеневших берегах, так ведь нет! Расползлись по всему миру, тихой сапой оседлали экономику, и никуда уже от них не денешься! Ну, ничего! Мало они на Последней войне Старших огребли? Так можно повторить! Или они думают, что их магия как-то способна противостоять большим батальонам, танковым полкам и ракетным дивизионам?

Я вдруг услышал собственное дыхание. Громкое, злое и пьяное. Увидел в окне трамвая отражение лица – глаза бешеные, зубы оскалены, ноздри раздуты. О, батенька, а вы, кажется, неплохо так посидели с Агрихом Дартаховичем! Потянуло с пьяных глаз на святую дорогу мщения? Причем не каким-то конкретным уродам, а сразу всему виду в целом? Стыдно, Лисовой. Помнишь, как прадед говорил?

– Зло не является исключительной собственностью како-

го-то вида, – негромко произнес я, глядя на свое лицо, отраженное стеклом. – Мерзавцы есть везде. Наша работа заключается в том, чтобы их не становилось больше. Да, деда, я помню.

Сразу отпустило. Алкоголь словно бы выветрился из организма, немотивированная агрессия ушла, а разум успокоился и перестал искать виноватых. Я представил себе лицо Рухефалиона из дома Горькой Воды, вспомнил, как он стоял с надменной улыбочкой на вечно молодом лице, когда мы встретились на ритуале клятвы. И в очередной раз дал себе зарок дожить до времени, когда я смогу это выражение с его лица стереть. С теми мыслями до дома и доехал.

А там меня ждала официальная (по версии екатеринодарской полиции) любовница – иномирянка Кэйтлин Смирнова. Ну, как ждала – валялась на диване, уткнувшись носом в коммуникатор.

– О, привет, – она полуобернулась буквально на секунду и тут же вновь вернулась к чтению. – Уже закончил свои ментовские дела? Слушай, кстати, я тут список вопросов набросала. Посмотришь?

Кэйтлин, предпочитавшая, чтобы ее называли Кот, была девушкой целеустремленной и въедливой. Приняв тот факт, что в ближайшей перспективе ей не попасть обратно в свой мир, она с энтузиазмом принялась за изучение здешнего. Каждый день она проводила в сети, читая новости, листая энциклопедии, задавая вопросы на форумах. А потом еще

и ко мне приставала со списком уточнений – все ли верно поняла?

За два дня совместной жизни, а я, напомним, пробывл это время отстраненным от службы сотрудником, она уже успела вынести мне вопросами весь мозг. Почему эльфы проиграли в Последней войне Старших рас? Как так вышло, что орки поддержали людей, а не «родственный» вид, владеющий магией? Были ли у человечества в прошлом свои волшебники и колдуны, или их вымарали из истории долгоживущие соседи по планете? Правда ли, что на гномов не действуют никакие наркотические и психотропные вещества?

Она была первой девушкой на моей памяти, с которой я жил под одной крышей, но не делил постель. Однако ко вчерашнему вечеру я чувствовал себя рядом с ней так, словно мы женаты уже лет двадцать.

– Гляну, – отозвался я. – Поем только.

– О, а ты на бровях? Отмечали выход на работу?

При этом она была единственным разумным во всем мире, с которым я мог говорить полностью откровенно. Общая тайна связала нас крепче дружбы, любви или, не дай боги, брака.

– Свободу отмечали, – сообщил я из кухни. – Меня уволили. Превышение пределов обороны. Зря я того урода три раза пырнул.

На плите обнаружилась еще теплая кастрюля с блюдом, мне совершенно не знакомым. Я не великий знаток кулина-

рии, но подозреваю, что в нашем мире не принято тушить картошку с мясом и солеными бочковыми огурцами.

– Серьезно? – девушка возникла в дверном проеме стремительно, разом забыв про чтение и просмотр обучающих видеороликов. – За что?

Я с подозрением изучил картошку, понюхал и сделав вид, что удовлетворился ее объяснением – «это азу по-татарски, вкусно!» – стал накладывать себе порцию. Попутно стал рассказывать ей, как прошел мой день. Азу, кстати, оказался действительно вкусным блюдом, непонятно только, почему его называли «адским» – Тартар же ад у греков? Впрочем, выяснять происхождение этого названия у меня не было ни сил, ни желания.

– И что нам теперь делать? – растерянно спросила она, когда я закончил рассказ о дисциплинарной комиссии и ее решении.

Нам. Девушка вполне оправданно рассчитывала, что я продолжу ее опекать. Только вот раньше я был следователем и, с поправкой на ветер, мог это обещать. Теперь же на некоторое время, если не навсегда, возможности мои изрядно уменьшились.

Тогда я рассказал ей и о второй части беседы с Лхухаром – работе частного детектива. Чем возбудил в ней какой-то нездоровый энтузиазм.

– Частный детектив?

– Да.

– Настоящий? – что-то мне ее реплики напомнили.

– А они что, в вашем мире они бывают поддельные?

– Ну, в смысле... – тут она смешалась и закончила смущенно. – Как в сериалах?

Точно, все забываю, что Кэйт просто помешана на сериалах. И, оказавшись в чужом для себя мире, продолжила их смотреть с каким-то упоением, порой взрываясь комментариями – «о, смотри, это же гном!»

– Нет, – ответил я максимально твердо. – Не такой. Настоящий. Много тупой работы, почти никаких полномочий, бухгалтерская отчетность, делопроизводство. Офис надо снимать, объявления на городских порталах давать, людей нанимать. Но платят им, говорят, хорошо.

Я до сих пор пребывал в легком обалдении от суммы, названной шефом. Человек, которого он рекомендовал как клиента, был готов заплатить двести рублей только за встречу и консультацию. А это, на минуточку, четвертая часть моего жалования за месяц!

– Слушай... – голос девушки вдруг стал вкрадчивым. – А давай ты меня наймешь?

Увидев недоумение на моем лице, она заторопилась, объясняя:

– Секретарем, офис-менеджером... не знаю, как у вас такая работа может называться. Я могла бы у тебя делопроизводство забрать, может, и бухгалтерию, только изучить нужно – дома у меня был опыт! Антон, ну не морщись так! Это

же прекрасная возможность побыстрее во всем разобраться. Знаешь, как с иностранными языками, их гораздо быстрее учишь, если живешь в языковой среде. Ну пожалуйста!

Сытый протрезвевший мужчина не способен долго сопротивляться такому напору, да еще и вкуче с умильной мордашкой симпатичной девушки. Даже если он немножко ментат и ему известно, что в озвученных ею мотивах нет ни слова правды. Кэйтлин интересовала только воображаемая романтика частного сыска.

Но... почему нет? Мне ведь нужно ее чем-то занять и как-то легализовать. Этот способ не хуже любого другого.

– Только после того, как твои документы будут готовы, – кивнул я.

И едва не свалился со стула, когда девушка бросилась мне на шею.

Глава 3

Люди из российской глубинки, редко контактирующие с представителями Старших рас, порой имеют о них странные представления. Эльфы у них, например, это прекрасные снаружи и внутри существа, заботящиеся о природе, гуляющие по лесу со зверятами и, вероятно, пускающие ветры исключительно с запахом последней коллекции итальянских духов.

Орки же, напротив, жестокие и агрессивные твари, которым ничего не стоит сжечь деревеньку, после чего хорошенько закусить ее прожаренными жителями. Гномы – торгоши и пьяницы... ну, кстати, с последними никакой ошибки нет.

Кое-кто считает, что подобного рода мнения – это гипертрофированная генетическая память. Мол, во время Последней войны Старших предки ныне живущих людей много натерпелись от рейдовых отрядов орков, в то время как эльфы, редко принимавшие участие в прямых боевых столкновениях, своими зверствами совсем не запомнились.

Любой мало-мальски разбирающийся в истории человек, даже я, не оставит от таких аргументов и камня на камне. И сделает это всего лишь одним аргументом: орки в Последней войне сражались на стороне людей.

– Тогда почему люди думают именно так? – удивилась Кэйтлин.

– Потому что эльфы проиграли войну, но победили в другом, – ответил я.

За завтраком у нас с ней шел традиционный разбор «тонких» моментов моего мира. Сегодня девушка заинтересовалась странным отношением людей к нелюдям, основанном, как мне сразу стало понятно, на форумных баталиях.

– В чем?

– В экономике. Видишь, какая штука, Кот. Люди были так воодушевлены победой, что решили проявить великодушие. Версальский мир в их тогдашнем понимании должен был навсегда положить конец межвидовой борьбе и сделать население планеты пусть и не единым, но не враждующим. Было принято много международных законов, реальной силой стал Морсьёрд – общественный орган управления, в который вошли представители все стран, кланов и семей...

– У нас такое называется ООН – Организация Объединенных Наций, – не преминула вставить Кэйтлин. – Но это произошло после Второй мировой войны, лет семьдесят назад.

Я кивнул, принимая ее реплику, и продолжил:

– Ну и вроде получилось. Люди и нелюди, помня об ужасах войны, старались держаться в рамках. Орки с гномами и до этого с большим удовольствием вели дела с людьми, теперь к ним присоединились еще и эльфы. И никто не заметил, как за сотню лет большая часть мировой экономики оказалась в их руках.

– Эльфов?

– Точнее сказать, их Первых семей. Помнишь, я тебе рассказывал, что у них есть девять родов, от которых по преданиям пошли и все остальные?

– Ага.

– Ну вот. Так как Первые семьи были богачами даже по меркам эльфов – а у них можно считать каждого достаточно обеспеченным – они начали заниматься инвестициями. И тихой сапой влезли почти во все отрасли экономики. Орки с гномами тоже не отставали, но у эльфов было существенное преимущество – они гораздо дольше живут. Просто представь семью, которая занимается накоплением капитала хотя бы лет пятьсот. И глава этой семьи лично помнит, как именно обстояли дела полтысячелетия назад. Особенно хорошо эльфам удавалось играть на бирже – когда она появилась. Так в их руках появились сперва блокирующие пакеты акций ключевых предприятий, потом контрольные. Затем мировое сообщество опомнилось, кажется, в семидесятых годах прошлого века и через Морсьёрд продало антимонопольный закон. Это помогло, эльфам пришлось перераспределить часть активов по вассальным семьям, а кое-что, дабы избежать гигантских штрафов, продать людям и оркам с гномами. Но на сто процентов проблемы это не решило.

– Стой, Антон. Мы, вроде, обсуждали другой момент, а ты куда-то в мировую экономику полез, – девушка подняла руки. – Почему эльфы представляются белыми и пушистыми, хотя это не так, а орки – злодеями?

Я глянул на часы и понял, что заболтался. Уже надо было бежать в банк.

– Да все очевидно, Кот. Эльфские Первые семьи сохранили доминирующее влияние на экономику, пусть и не полное. А так как они не только богатые, но еще и умные, а также по причине того, что правят ими женщины, они сделали выводы из прошлого поражения. И теперь занимаются тем, что отмывают свою репутацию. Кто, по-твоему, заказывает и финансирует все эти сериалы, которые тебе так нравятся?

Пока девушка хлопала ртом, я залпом допил остатки кофе и двинулся к двери обуваться. Крикнул, когда уже стоял на пороге:

– Помнишь, что надо сделать, Кот?

– Найти офис поближе к суду!

– Крайне желательно недорогой.

– Да помню я, помню.

– Все, ушел.

Зарегистрироваться предпринимателем, оказывающим услуги частного детектива, было несложно. У меня на это ушел час вчера вечером, причем даже выходить из дома для этого не потребовалось – все делалось через сеть. Имперское законодательство в этой части было весьма лояльно к своим гражданам. Хочешь работать на себя – вноси в налоговую базу свои данные, выбирай код деятельности и топай в банк открывать счет.

Туда я сегодня и направился. И завис там часа на три. Сам

счет открыть было несложно, документы все были в наличии и вопросов у финансистов не вызывали. Гораздо сложнее для меня было выбрать систему налогообложения и подходящий пакет банковского обслуживания. Как-то так вышло, что я с этим вопросом до сих пор не сталкивался, вот и потратил так много времени.

Но служащие были дружелюбны и компетентны, делая все, что в их силах, чтобы новый клиент выбрал именно их контору, так что спустя три часа я вышел из «Альба-банка» держа под мышкой папку со всеми необходимыми документами. И сразу же отправился за лицензией частного детектива. Которую по просьбе Лхухара должны были оформить как раз к обеду.

В местной канцелярии имперской службы безопасности, а именно эта служба занималась лицензированием моего нового вида деятельности, не подвели. Взяли отпечатки пальцев, образцы ДНК, слепок ауры и заявление. Взамен выдали маленький картонный прямоугольник, который разрешал осуществлять частную охранную и сыскную деятельность.

Молоденькая орчанка примерно моего возраста, явно только начавшая свою карьеру в безопасности, смущенно улыбаясь, спросила, не желаю ли я пройти полное ментальное сканирование для получения разрешения на ношение оружия. Я вежливо отказался. Во-первых, фанатом оружия никогда не был, а во-вторых – мало ли что там вытащит из головы эта девица? Не в моем положении было рисковать.

К двум часам после полудня, уже официально являясь частным сыщиком, я созвонился со своим первым клиентом, и поехал на встречу с ним.

Вчера шеф, в смысле, мой бывший шеф – надо отучаться так его называть – о заказчике рассказал обстоятельно, даже дал почитать материалы, которые Олег Морозов подготовил. Слушая его, я долгое время не мог взять в толк, зачем Лхудар вообще пытается меня этим заинтересовать. И чем я как частный детектив могу помочь?

Дмитрий Светлов, обычный екатеринodarский предприниматель с традиционным для наших широт видом деятельности – фермер. Солидный, богатый, законопослушный, с неплохими связями в городской власти, но и не более того. Такой характеристикой может похвастаться каждый делец с оборотом компании более сотни миллионов рублей.

Полтора года назад он решил немного разнообразить свой бизнес – вложил в новое направление, в котором, к слову, понимал гораздо меньше чем в выращивании подсолнечника. Однако как умный человек он не стал постигать все тонкости нового дела самостоятельно, а взял для этого партнера – Виктора Гущева.

Этот, с позволения сказать, бизнесмен, относился к категории людей, которых мои бывшие коллеги из УБЭПа называли хроническими неудачниками. В том смысле, что все проекты, за которые он брался, а таких с момента его со-

вершеннолетия до недавнего времени насчитывалось уже одиннадцать штук, заканчивались банкротством и потерей средств. Как человеку с такой репутацией мог поверить Светлов – это вопрос отдельного расследования, но вот поверил и, что самое странное, не прогадал.

Для Гущева компания по прокату велосипедов и электро-самокатов стала первым проектом, который не развалился после трех месяцев работы. За год вложенные Светловым пятнадцать миллионов (плюс собственные пять), он превратил в шестьдесят.

В этом месте, признаться, я немного недоверчиво посмотрел на Лхухара – такие суммы на прокатном бизнесе? Нет, понятно, что в экономике я дерево тополь, но как? А потом, листая материалы дела, среди которых имелись и финансовые отчеты, прозрел.

Все оказалось просто. Город южный, холодный период максимум два месяца, студентов – тьма-тьмущая, а приезжих еще больше, так что кататься хоть круглый год, в то время, пока в твоих краях снег по колено лежит. Ну и грамотное финансовое управление Гущева, который всю свободную прибыль вкладывал в развитие, в результате чего к концу первого финансового года смог почти полностью выдавить из Екатеринодара конкурентов и вплотную подойти к экспансии в курортный Сочи.

А потом Гущев умер. Ничего криминального, обычный сердечный приступ, к которому привело физическое и нерв-

ное истощение – бизнесмен вел новое и первое взлетевшее в своей карьере дело с полной самоотдачей.

Бывало, конечно, и такое, но – полиция-то тут при чем? Тем более, УБОМП? А оказалось – очень даже при чем! Светлов обратился к нам с заявлением, в котором утверждал, что смерть его партнера не была естественной. Что ее подстроили, используя для этого, цитирую, «проклятый артефакт». И сделал это ближайший родственник Гущева, к которому перешла его доля совместного бизнеса – его жена.

«Чушь! – сказал тогда мой бывший коллега Олег Морозов, проведя обязательное расследование по заявлению. – Обычный спор хозяйствующих субъектов. Светлов просто хочет забрать долю умершего партнера и стать единоличным владельцем бизнеса!»

«И я с ним согласен, – не очень, впрочем, уверенно продолжил свой рассказ Агрих Дартахович. – В том смысле, что не бывает проклятых артефактов – это из области ненаучной фантастики».

«Почему? – тут же уточнила Кэйтлин, когда я вечером рассказывал ей о нашем первом деле. – Это же магические предметы!»

В ее понимании одно другому не противоречило. Пришлось отвлечься и прочесть небольшую лекцию о магии в общем и артефактах в частности, которая сводилась к двум простым тезисам. Первый – артефакты являются физическимместилищем для, грубо говоря, законсервированных

заклинаний. Любых, в том числе и проклятий, которые, к слову, могут использовать все три Старших расы и даже кое-кто из Младших. Другими словами, вместилищем проклятья артефакт быть может, а вот проклятым – нет.

«Какая разница?» – раздраженно фыркнула девушка.

И, в общем-то, была права: формулировка больше относилась к профессиональной терминологии, чем к факту смерти предпринимателя. Но был еще второй тезис: магия всегда оставляет после себя следы. А тело Гущева после заявления Светлова было детально изучено на предмет следов любой магии. И в заключении черным по белому было написано: «Смерть наступила в результате естественных причин».

Но было одно но. Лхудхар и его заинтересованность в деле, которое он мне передал как частному детективу. Когда я спросил его об этом напрямую, он ответил, что лично знает заявителя и уверен, что тот никогда бы не опустил до того, чтобы забрать у вдовы умершего партнера его долю компании.

Другими словами, он принял официальное заключение ведущего дела следователя, хотя до конца в него не поверил. Но и поводов продолжать копать не видел. А тут в отставку пинком отправляют его лучшего следователя, сам Светлов настаивает на продолжении расследования и в мудрую голову моего бывшего шефа приходит мысль: «А почему, собственно, и нет?»

После половины бутылки двенадцатилетнего бренди с ми-

нимальной закуской и предложенного гонорара за консультацию в двести рублей, я, признаться, вполне разделял ход его мыслей.

Дмитрий Светлов оказался грузным пятидесятилетним мужчиной, при первом взгляде на которого сразу становилось понятно, чем он большую часть жизни занимался. Классический такой фермер, несмотря на дорогой костюм и довольно богато обставленный директорский кабинет. Лицо загорелое, как бывает у людей, которые много времени проводят на открытом воздухе. Глаза цепкие, внимательные к деталям. Руки натруженные, знающие с какой стороны у комбайна кабина и сколько весит борона.

– Антон Вадимович, – протянул он руку. – Прошу, присаживайтесь. Агрих Дартахович очень высоко о вас отзывался. Говорил, вы лучший из его следователей.

Я с признательностью кивнул, уселся в кресло, но на следующей его фразе напрягся.

– Как же так вышло, что вас сожрали эти крючкотворы-бюрократы?

Значит, Лхудхар ему рассказал не только о том, что я вышел в отставку, но и о ее причинах? Не всех, естественно, вряд ли в его рассказе фигурировал мстительный эльф, но интересно, почему вообще разоткровенничался. Доверяет ему?

– Превышение пределов самообороны, – ответил я, вни-

мательно следя за его реакцией на свои слова. – Убил двух человек, которые желали мне смерти.

Фермер очень серьезно кивнул, мол, понятное дело. И уточнил:

– За дело хоть?

– Без сомнения.

– Ну и спаси Господь их души.

Последняя реплика Светлова сказал мне о нем сразу две вещи. Во-первых, он христианин. Но не фанатик, обычный верующий, а такие редко идут на то, чтобы через уголовное дело забрать у вдовы партнера средства к существованию, что-то там, вроде, в их священных текстах говорилось даже об этом. Осуждалось, в смысле. А во-вторых, закон и справедливость не были для мужчины понятиями, между которыми ставится знак равенства. Другими словами, я только что получил подтверждение, пусть и не стопроцентное, что обратился он в полицию по делу.

Некоторое время мы с ним молчали, секунд, может, пять-шесть. Он ждал от меня вопросов, я же не знал, с чего начинать беседу. То есть опыт допросов и опросов у меня имелся огромный, но он имел отношение к прежней моей профессии. А как ведут разговор с клиентом частные сыщики я не знал. Поэтому спросил первое, что крутилось в голове:

– Вы уверены, что вашего партнера убили?

– Полностью, – твердо ответил фермер.

– Почему? Какие основания для такой уверенности?

– Он был здоров, полон сил, строил планы. А потом буквально за месяц сгорел. Стал нервным, с утра выглядел так, будто всю ночь не спал.

– Это могли быть симптомы сердечной недостаточности.

– Я сам возил его к врачам, – отрезал Светлов. – Никаких проблем с сердцем, только нервное и физическое истощение. Специалисты сказали, что он слишком много работает и совсем не отдыхает.

– Может, так и было?

– Антон Вадимович, вы уж меня простите за прямой вопрос, но вы возьметесь за расследование его смерти или будете искать отговорки, как ваши коллеги? Бывшие коллеги, – на последней фразе он сделал очень характерное ударение.

А вот это было для меня внове. Ну, такие требования. Раньше я говорил со свидетелями или подозреваемыми, и никому из них не приходило в голову что-то от меня требовать. А тут... С одной стороны, да, статус у меня изменился, за мной больше не стояла система, и я был сам по себе. С другой же – на характере это никак не сказалось. Я по-прежнему терпеть не мог, когда на меня давят.

– Дмитрий Игнатович, вам вкусно или красиво?

– Что?

– Я спрашиваю, вам нужно правду узнать или погонять нанятого сотрудника? Если первое, то не нужно удивляться моим вопросам, они имеют значение. Если же второе – я могу посоветовать вам кого-то, кто берет подешевле.

На лбу Светлова собрались морщины. Глаза опасно сузились. Ноздри дрогнули, а верхняя губа чуть-чуть, едва заметно, поднялась, обнажая зубы. Фермер тоже не особенно любил, когда его «строят». Оно и понятно, когда привыкаешь командовать, подчиняться сложно. Вот только нормальный сыщик, частный или на государевой службе – неважно! – не ищейка на поводке. И это ему придется уяснить сразу.

– А вы берете дорого?

Если бы я знал! Но дороги назад не было, поэтому я кивнул и добавил.

– Весьма.

– А гарантии?

– У господа Бога.

Лицо его сразу обмякло, настороженность сменилась усталой улыбкой. Кажется, мы с ним только что поладили.

– Задавайте ваши вопросы, – сказал он. И я мысленно погладил себя по голове.

Глава 4

Как выяснилось, никакой особой разницы в работе следователя и частного сыщика не имелось. По крайней мере, на данном этапе. Я слушал и изредка задавал наводящие вопросы, Светлов говорил, лишь порой отвлекаясь на то, чтобы сделать глоток кофе, который нам принесла его секретарша. Я в тот момент еще подумал, а умеет ли Кот варить кофе, но буквально на секунду.

– Я знал, кто такой Виктор, когда соглашался на его проект. «Светловский АПК», конечно, не банк, но у нас есть и служба безопасности, и кадры соответствующие. Так что я был в курсе его репутации.

– Но шанс ему дали?

– Дал. Но это не значит, что не присматривал за ним.

– А почему вообще согласились на партнерство с Гушевым? Признаться, пока ваше сотрудничество больше похоже на меценатство, чем на деловые отношения.

– Потому что он попросил, Антон Вадимович. Сказано: просящему дай. Но по просьбе и даваемое. Одно дело, когда тебя просит о еде нищий, ты даешь ему на еду. А Виктор просил много, но и предлагал немало. Он смог меня убедить, потратив много сил, средств и времени на изучение рынка и стратегию развития бизнеса.

– Просто «убедил»?

Светлов усмехнулся. Сделал очередной глоток из чашки, поставил ее на блюдец. Все его движения были четкими, какими-то даже выверенными. Такими, словно для него было очень важно, чтобы чашка стояла ровно в углублении блюда.

– Вы, наверное, поняли, что я придерживаюсь христианской веры?

– Это довольно очевидно.

– Среди людей бытует мнение о христианах как о прекраснодушных идиотах, готовых снять с себя последнюю рубашку, чтобы отдать ее страждущему. Это в корне неправильно, наша вера не предполагает глупых поступков. Я не купал никакой своей старой вины партнерством с неудачником. Просто как предприниматель увидел будущее у предлагаемого им проекта, а как верующий человек дал ему шанс его воплотить. К тому же, как я уже говорил, присматривал за ним. При самом неблагоприятном варианте развития нашего совместного дела я бы потерял около двух миллионов инвестиций. Большие деньги, соглашусь, но, поверьте, мне приходилось из-за неурожая терять и больше. К тому же бизнес – всегда риск. Мы с Виктором подписали договор, что оборудование он покупает на собственные средства, оно в случае банкротства предприятия достается мне, мои же деньги идут на рекламу, аренду торговых точек, зарплату сотрудников и развитие после успешного старта. И я мог бы продолжить развивать проект уже без него, получив необхо-

димые знания на начальном этапе. Так что можно сказать, что я почти ничего не терял.

Хорошенькое дело, два миллиона рублей – это для него почти ничего! Хотя с его уровнем оборота сумма действительно не особо критичная. Просто я со своими привычными доходами никак не мог уложить этот объем в голове. До сегодняшнего дня я как-то не особенно задумывался о деньгах. У меня была работа, за спиной стояла система и вся имперская рать, если понадобится. Поэтому, имея жалование в тысячу рублей в месяц, я считал себя богаче любого предпринимателя, пусть бы он даже ворочал миллиардами.

– Я вас понял, – кивнул я. – Но давайте вернемся к предмету.

– Да, конечно. Два месяца назад Виктор стал меняться. Постоянно вялый, будто он не высыпается. Круги под глазами, неопрятный внешний вид. Признаться, я даже подумал, что у него случилось головокружение от успеха, и он стал пить. Или того хуже – начал принимать наркотики. Такое бывает, когда человек, у которого раньше долго ничего не получалось, вдруг оказывается на гребне волны. Однако, мои люди, которые за ним приглядывали, не увидели ничего такого. Он вел прежний образ жизни, допоздна сидел в офисе с документами, отказывал себе в выходных, но ночевал всегда дома. Единственным изменением в его жизни стало появление бывшей супруги.

– Они были разведены?

– Просто разошлись, неофициально. Альбина, жена Виктора, как я понимаю, просто не выдержала постоянных неудач мужа и в какой-то момент ушла от него.

– А когда у него все наладилось, вернулась?

– Так часто бывает, и я не придал этому особого значения, лишь порадовался за партнера, у которого получилось не только дело построить, но и жизнь подлатать. Теперь же я смотрю назад и понимаю, что плохое самочувствие у Виктора началось именно тогда, когда к нему вернулась Альбина. Понимаете, Антон Вадимович, довольно странно выглядит, когда человек сгорает буквально за месяц сразу после того, как у него начало все получаться.

– Ну, я и не такое встречал, – делано небрежно заметил я, хотя на этом фактике напрягся.

– И я, не сомневайтесь, все-таки поболее вашего небо копчу. Но тут – все так совпало. Болезнь моего партнера, которая сожрала его за столь короткое время, его вернувшаяся супруга, но главное – скорость, с которой эта вдовушка поспешила заявить о своих правах на наследство.

– Она пожелала продать долю?

– Не сразу. Сначала она хотела заменить мужа, войдя в бизнес партнером. Но Виктор был толковым экономистом, имел аналитический ум и огромный опыт накопленных ошибок, а его супруга, уж простите, являлась не более чем красивой пустышкой. Работала в салонах красоты...

Для Дмитрия Игнатьевича это, видимо, было исчерпыва-

ющей характеристикой. Далее он подробно рассказал, какой прожигательницей жизни была новоиспеченная вдова, как часто посещала ночные клубы и меняла ухажёров, и что за «ужас» творится на ее страничке в популярной социальной сети «Мой круг». В общем, для фермера было совершенно неприемлемо, чтобы такая «особа» вошла в дело стоимостью уже около шестидесяти миллионов рублей. И тогда он предложил выкупить ее долю.

– Дорого? – уточнил я.

– Это была достойная цена, – с едва слышимыми оправдывающимися нотками ответил Светлов. – Половина прибыли компании за вычетом налогов, фонда оплаты труда, аренды помещений и амортизации оборудования...

– Сколько именно?

– Девять миллионов. Поймите правильно, стоимость выкупа доли у человека, которому актив достался в наследство, производится совсем по другим критериям, не по рыночной оценке. Но она воспротивилась, решила, что я просто поделю все пополам и отдам ей ее долю. Жадность выиграла, полагаю.

И не только у Альбины Гушевой. У фермера тоже, я отчетливо слышал, как говоря о справедливой оценке, он врет. Но при этом прекрасно его понимал. Отдать тридцать или около того миллионов... Не знаю, смог бы я.

– Она подала в суд. А когда узнала, что я написал заявление в УБОМП, стала еще и грязь на меня лить.

Он увлеченно рассказывал об информационной войне, которую они вели с женой покойного партнера, из чего стало понятно, почему Морозов, ведущий это дело от моей бывшей управы, поставил на нем метку «отказать» и называл разбирательство «спором хозяйствующих субъектов».

Мне же не давал покоя тот факт, что фермер был абсолютно правдив, когда говорил об артефакте. Понятное дело, что он мог верить в свои слова, но откуда вообще мысль об магическом воздействии на его партнера могла взяться в его голове?

– Да от Альбины, честно говоря, – ответил он, когда я задал этот вопрос. – Я этого не сообщал вашим бывшим коллегам, только Агриху Дартаховичу, поскольку мы уже вели тяжбу, и она бы могла использовать такие откровения как давление на суд. Еще бы и вывернула все так, чтобы я виноватым остался я. Поэтому прошу то, что я вам сейчас скажу, без крайней необходимости не обнародовать.

Вот тут у меня охотничья стойка и сработала. Недостающий элемент, который, вероятно, сделал невозможным раскрытие преступления месяц назад.

– Конечно, – легко согласился я.

– Альбина подарила Виктору медальон в знак воссоединения. Довольно страхолюдный, какая-то поделка, если честно. Что-то вроде свинцового блина, на котором весьма грубо были выцарапаны черты страшной рожи. И Виктор носил его

все время на кожаном шнурке. Еще и хвалил свою супругу постоянно, мол, какая она умелица, сама сделала такую красоту. Понятно, что я это никак не комментировал, сами же знаете, влюбленные мужчины не вполне адекватны.

– И вы считаете, что это был проклятый артефакт? – я постарался всеми силами скрыть разочарование в своем голосе. Пустышка!

– Ну или что-то такое, – смущенно признал Светлов. Как всякий обыватель, в магии он разбирался препаршиво.

Для очистки совести я все же задал несколько уточняющих вопросов. Например, не чувствовал ли фермер в присутствии партнера какого-то воздействия? Не болела ли голова, не шла ли кровь носом или еще что-то подобное. Выяснилось, что нет.

Задав еще несколько вопросов, я решил заканчивать разговор.

– Значит так, Дмитрий Игнатьевич. На сегодня все. Мне нужно кое с кем проконсультироваться, чтобы понять, как вообще строить расследование. Может понадобится встретиться с Альбиной Гущевой – у вас есть ее номер?

– Да, конечно. Только я бы не рассчитывал, что она согласится. Она, вроде, сейчас не в городе, по крайней мере, на заседания суда ее представитель сам ходит.

– Ничего, я попробую ее найти.

– Что касается вашего гонорара, Антон Вадимович... – фермер достал чековую книжку и вопросительно посмотрел

в мою сторону, чем немало меня озадачил.

Я еще не решил, что возьмусь за дело – пока даже не видел, за что тут браться, если честно, но и уходить со словами: «Потом решим» – не годилось. Кроме того, я совсем не понимал механизм ценообразования своих услуг. Ну вот съезжу я к одному знакомому гному, окончательно для себя уясню, что никакой артефакт не мог убить молодого мужчину на пике жизненной активности, и что? Это тоже как-то осмечивать нужно? И во сколько? М-да, предприниматель из меня получился аховый!

– Давайте так, – как-то по-своему интерпретировал мое молчание Светлов. – Я выпишу вам чек за консультацию, как договаривались, и аванс на сумму в пять тысяч рублей. Если в ходе расследования выяснится, что этого недостаточно, вы мне об этом скажете. В разумных пределах, естественно.

Это же какие у него разумные пределы, если он почти полугодовое мое жалование выдает в качестве аванса? Неужели он настолько уверен в том, что тут есть что раскрывать?

– Хорошо, – ровно ответил я.

Подумал, стоит ли сказать о готовности вернуть деньги, если дело окажется пустышкой, но потом решил, что для репутации начинающего детектива это будет не очень хорошо, и промолчал. Просто взял чек, попрощался с клиентом и отправился в Секцию. Так или иначе, а консультация гнома-артефактора мне однозначно нужна. Я, конечно, имею кое-какие знания, но больше прикладные – как искать, какие

проявления бывают у спрятанных артефактов той или иной группы, ну и так далее.

Но планы на то и планы, чтобы периодически не исполняться. Вместо того, чтобы позвонить Нобу из Секции, я принял звонок от Кэйтлин. Решил было, что она хочет отчитаться о найденных вариантах под наш офис, как услышал от нее:

– Здесь Чернобород!

Признаться, я не сразу сообразил, о ком она говорит. Голова еще была занята осмыслением разговора с фермером и теми шагами, которые стоило предпринять дальше, поэтому первым, что я сказал, было:

– Кто?

Прежде чем она успела ответить, я уже сообразил, о ком она говорит. Тот «ученый», который издевался над ней, добиваясь того, чтобы она активировала «пересаженный» магический дар эльфа.

– Где?

– Он в торговом центре «Второе небо»! Который возле суда!

Я ее на поиски офиса отправил, а она по торговым центрам ходит! Женщины!

– Тебя видел?

– Нет. Но я за ним слежу.

По мере разговора голос девушки становился все более спокойным. Теперь она говорил медленно и шепотом, будто

находилась в двух шагах от преследуемого «ученого».

– Следишь? – возмущенно выдохнул я.

– Ну да! Надо выяснить, куда он пойдет. Я прослежу...

– Кот, стой на месте, никуда за ним не ходи, я скоро приеду. Это может быть ловушка!

– Какая ловушка, о чем ты? Я его заметила, а он меня нет!

– Все может быть с точностью до наоборот. Он тебя заметил, а потом специально попался тебе на глаза, чтобы ты за ним пошла.

Вместо ответа в трубке было слышно только шелканье статики. Я уже успел подумать, что Чернобород схватил девушку, но тут она наконец ответила:

– Ясно. Жду тебя.

Фу! Это она просто задумалась и поняла, что я могу быть прав. Но признавать этого сразу не захотела, поэтому молчала.

– Я быстро!

Отключившись, я тут же заглядывался вокруг в поисках такси. К счастью, офис Светлова находился в деловом районе, и машин здесь было полно. На взмах руки отреагировал новенький «Новгородец» на встречной полосе, поморгал мне фарами, и я бросился к нему через дорогу.

Проклятье, со всеми этими заботами, увольнением и новым расследованием, я совсем забыл о самом главном. Даже не предполагал, что Чернобород, державший Кэйтлин взаперти, может оказаться совсем рядом. Считал, что он уже

давно не в городе, и смысла его искать нет. А почему, собственно? Ангар, в котором заговорщики проводили испытания, они, понятное дело, бросили, предварительно зачистив все следы, но это вовсе не значило, что они сбегут из города.

Может, они даже тайно наблюдали за девушкой, и теперь вот, убедившись в ее безопасности, отправили «ученого» показаться ей. Но ты, Лисовой, тоже хорош! Послал девчонку искать офис! Чем думал вообще? Да ее из квартиры с такими раскладами выпускать нельзя!

Ехать до «Второго неба» было минут десять, за это время отправил Кэйтлин несколько сообщений, убеждаясь, что с ней все в порядке. Она исправно отвечала: стою, жду, никуда не хожу. Наконец, такси остановилось на парковке торгового центра, я сунул водителю «пятерку» и, не дожидаясь сдачи, рванул внутрь, где с облегчением заметил девушку, сидящую за столиком кафе.

– Ты в порядке? – уточнил я зачем-то, хотя прекрасно видел, что с ней все нормально и никакого нападения не было.

– В порядке, – немного обиженно буркнула Кэйтлин. – Он туда пошел.

Я посмотрел в указанном ею направлении, быстро прикинул внутреннюю планировку хорошо мне знакомого торгового центра и сказал:

– Пошел в район закусовых. Точно тебя не видел?

– Да он тут с какой-то женщиной, вообще по сторонам не смотрел!

– Это ничего не значит. Пойдем, пройдемся.

С одной стороны, я был абсолютно прав, предполагая, что появление Черноборода могло быть спланировано заговорщиками-экспериментаторами, а с другой – было бы полезно за ним проследить, вдруг он случайно на глаза недавней своей жертве попался?

Девушка взяла меня под руку, и мы неспешно направились на второй этаж центра, туда, где располагались небольшие едальни. Прошествовали по коридору, оглядываясь по сторонам, как парочка, которая ищет, где бы ей сесть. В какой-то момент Кэйтлин страшным шёпотом сообщила, что видит нашего подозреваемого.

– Вон он в «Блинной» стоит, второй от кассы!

– Да тише ты! Хочешь что-то сказать, наклонись к уху и говори! – с нежной улыбкой ответил я. – Веди себя естественно!

Сам же уставился на крупную вывеску «Блинной», на которой красовались дежурные блюда – блины с различными начинками, как несложно догадаться, боковым зрением рассматривая мужчину со спутницей, стоящего в очереди. Обычный пожилой дядька, лет пятидесяти, интеллигентный такой. Волосы темные, без следа седины – красит, что ли? Рост сто семьдесят два, телосложение худощавое, лицо удлиненной формы, носит очки в массивной оправе. Одет в дорогой костюм-тройку темно-зеленого цвета.

Его спутница ему совсем не подходила. Лет тридцати,

красивая статная женщина возвышалась над ученым на голову. Средней длины светло-русые волосы распущены по спине, синее платье, одновременно консервативно длинное, но при этом провокационно облегающее стройную фигуру. Настолько, что я даже сбился немного, фиксируя приметы этой парочки.

– Давай сядем здесь, – предложил я Кэйтлин, указывая на вывеску «Казачьего подворья», которое не только располагалось напротив «Блинной», но и было оформлено под «станцию», а значит, имело перегородки между столиками в виде плетня. То есть давало возможность вести наблюдение скрытно.

– Будем следить?

Кэйтлин уже вошла в роль, задавая вопрос, она прижалась к моему плечу.

– Будем, ага. Заодно поедим, я сегодня без обеда.

Глава 5

Было похоже, что Чернобород зашел сюда именно поесть. Правда, внешний вид «ученого» и его спутницы, одетой словно на прием, плохо сочетался с забегаловкой, на которой они остановили свой выбор, но это ничего не значило. Может, блины любят. Есть же люди, которые любят блины? Я вот к ним без восторга отношусь, но это же вопрос вкуса, да?

В общем, они оплатили заказ на кассе и присели ждать его готовности за столик. Мы с Кэйтлин тоже изучали меню, не выпуская эту парочку из вида. Сели удачно, прикрытые «плетнем», мы были для них почти незаметны, они же все время оставались у нас перед глазами.

– Думаю, случайно все же, – высказался я, когда выбрал себе в качестве обеда борщ с пампушками и тарелку с салом. – Не похоже, что они тебя провоцируют. Слишком увлечены друг другом. Общаются, будто сто лет друг друга не видели.

– Я тебе сразу сказала – случайно! – не преминула напомнить девушка. – У-у, ловелас престарелый!

– Ну, пятьдесят лет еще не возраст, – я начал было защищать «ученого» по многолетней привычке всегда в споре принимать сторону мужчин, но вовремя вспомнил, как на него реагирует девушка. – Хотя, да. Спутница у него...

как бы не его полета. Но и встреча явно не деловая, такие обычно в ресторанах назначают, а не в забегаловках торговых центров.

Кэйтлин заказала себе салат, в отличие от меня она успела поесть. Некоторое время она крутила между ладонями солонку, наблюдая за парочкой через коридор, затем вдруг спросила:

– А тебе не кажется, что они похожи?

– В смысле? – не сообразил я.

– Ощущение... Ну, лица у обоих продолговатые и... вот смотри, она так же голову держит, как он, когда слушает. Чуть назад откидывает и наклоняет вправо.

– И не похожи на любовников, – когда Кэйтлин обратила на это внимание, я тоже заметил. И укорил себя – как же так, Лисовой! Девчонка увидела сходство, а ты проморгал. Следователь!

– Возраст тут вряд ли что-то значит... – со значением протянула девушка. Не удержала серьезную мину на лице, прыснула. – Это отец с дочерью, Антон. Ты что, не видишь?

Отец с дочерью... а что, вполне может быть и так. Сходство есть, возраст подходящий, встреча в забегаловке – просто гуляли и зашли поесть. Не могут же злодеи круглые сутки зловещие планы вынашивать, надо им когда-то и время на семью находить. Так что вполне-вполне! И это хорошо. Это значит, что экспериментаторы не обнаружили Кэйтлин и не наблюдают за ней.

– Надо за ними проследить! – кровожадно потребовала девушка.

– Хорошо! – легко согласился я. – А потом?

– Потом схватить и допросить! Узнать, на кого он работает!

– Просто выбить из него всю дурь, да? Прижать к стенке, и он нам все расскажет!

– Почему у меня такое ощущение, Антон, что ты надо мной издеваешься? – нахмурилась Кэйтлин.

– Потому что так и есть. Ты забыла кое-что. Я больше не в полиции, а значит, уже не могу просто так, по подозрению в чем-то задерживать людей.

– А тебе что, надо все по закону сделать?

– Желательно, но дело сейчас даже не в этом. Подумай. Вот схватим мы его, допросим и куда потом денем? В полицию отдадим? Чтобы он рассказал там, как пересаживал ритуалом магию от эльфа к человеку из другого мира? Я тебе уже объяснял, сколько мы после этого проживем?

– Да...

– Или другой вариант. Мы не отдаем его в полицию, но тогда куда нам его девать? Личной тюрьмы у меня нет, даже офиса нет, благодаря одной нерасторопной помощнице. Отпустить мы его не можем – он тут же побежит к своим. Значит, придется...

И я выразительно провел ребром ладони по горлу.

– Убить?! – одними губами прошептала девушка. – Но как

же... Мы должны узнать, на кого он работает, но убивать...

– Вот именно! – жестко отозвался я. – Мы должны узнать на кого он работает. Вряд ли именно Чернобород стоит за твоим похищением и... трансформацией. Нужно выяснить круг его общения, через него выйти на настоящих злодеев. Правда, с ресурсами у нас, как ты понимаешь...

Тут я замолчал. В основном потому, что принесли наш заказ, а обсуждать слежку и возможное убийство при официанте было не очень мудро. К тому же мне пришла в голову идея. Пусть у меня нет привычных возможностей системы, но зато имеется то, чего не было раньше – развязанные руки и куча денег. Для кого-то пять тысяч, может, и не великая сумма, мне же она казалась не просто огромной – открывающей новые возможности. И я знал, как ими воспользоваться.

За время работы следователем я обзавелся множеством знакомых в самых разных сферах. Многие из них, что не удивительно, вели не самые законные дела. Но либо не попадались, либо были слишком полезны, чтобы их арестовывать. Одним из таких был Кудряш – сорокалетний взломщик, способный проникнуть куда угодно, был бы только куш приличный. К тому же он был очень технически продвинутым товарищем, посещал кружок любителей радиодела, а навыки, там полученные, с успехом применял для слежки за жителями дома, который собирался обнести.

Сейчас он завязал со своей преступной карьерой, но мне это даже на руку – навыков, надо полагать, он не забыл. Как и

должок передо мной, в свое время я помог ему отойти от дел и отвадил прежних его дружков, которые никак не хотели признавать права домушника на новую жизнь.

В голове сам собой вырисовался план: я слежу за Чернобородом до его жилища, потом прошу Кудряша проникнуть туда и установить прослушку внутри квартиры. Конечно, бывший вор может и отказаться, что было бы печально, но все же не критично. Домушник отличная кандидатура, сам по себе человек не болтливый, да и мне задолжавший, однако и без него в моей «картотеке» таких ребят хватало.

С аппетитом съев борщ, я терпеливо ждал, пока предполагаемые отец с дочерью наговорятся, поглядывая изредка на Кэйтлин, без энтузиазмаковыряющую салат. Подмигнул ей, мол, все отлично, и услышал в ответ:

– Я его сперва хотела убить.

Поднял брови, прося развернуть мысль.

– Когда увидела его, такое чувство внутри возникло... – пояснила девушка. – Не бешенство, а будто айсберг из маленькой льдинки вырос в огромную гору. Вот такую, больше меня! И еще, знаешь, голос... Ну тот, помнишь, который говорил что-то, когда я...

Забудешь такое, как же! Восемь лет работы следователем, конечно, подготовили меня, но тот момент запомнился особенно отчетливо. Наемница, которая раза в полтора тяжелее меня, вдруг взмывает в воздух и висит. А ее напарник, пожелавший придушить Кэйтлин, отлетает на пару метров, оку-

танный сетью из крохотных молний. Первое и единственное на моей памяти применение иномирянкой эльфской магии.

Тогда она упомянула, что слышала внутри себя мужской голос, говорящий на незнакомом языке. Я подозревал, что это было что-то вроде памяти убитого на ритуале эльфа, как его там по имени, из дома Снежной Ели. Его спаянная с магией сущность, которая просыпается в моменты стресса нового носителя, Кэйтлин Смирновой.

– Поняла, что он говорил? – спросил я, демонстрируя спокойствие, хотя, по правде сказать, меня серьезно беспокоили ее слова. Сейчас девушка походила на гранату на боевом взводе – вроде бы, и безопасная, пока в руке держишь, но способная натворить дел, стоит ее отпустить.

– Не. Бормотание какое-то, – ответила она. – Даже отдельных слов не разобрала. Просто бу-бу-бу такое. Единственное, я откуда-то знаю, что это не русский язык.

– Эльфский, надо полагать, – на каком еще языке может говорить «призрак».

Это тоже было проблемой, и с ней требовалось что-то делать, причем быстро. Девушку нужно было либо учить пользоваться доставшимися ей возможностями, либо как-то блокировать их. Оба пути предполагали обращение к специалисту, что автоматически делало задачу практически невыполнимой. Как развивать дар, так и купировать его могли исключительно представители Старших рас, точнее, только эльфы. Но просить их о помощи было сродни самоубийству.

В общем, куда ни кинь, всюду клин. Без обучения Кэйтлин рано или поздно сорвется и выдаст на людях какое-нибудь боевое заклинание, с обучением же... тоже понятно.

– С этим надо что-то делать, – Кэйтлин словно мысли мои прочла. – Я это не контролирую!

– Сделаем, не переживай, – тепло улыбнулся ей я. Уж если что и умеют делать ментаты, способные чуютъ фальшь в голосе собеседника, так это врать. – Найдем способ.

Чернобород к этому времени закончил с блинами, подал руку спутнице, помогая подняться, и двинулся к выходу из «Блинной». Я удержал Кэйтлин, чуть было не подскочившую вслед за ними. Проводил взглядами спины мужчины и женщины, неторопливо положил деньги за обед, после чего сказал помощнице:

– Твоя задача остается прежней – искать офис.

– Что? – возмущения в ее голосе было столько, будто я был девушке отцом и прямо сейчас запретил ей идти с подружками на танцы. Выражение лица, впрочем, было таким же.

– Я сам за ним прослежу, а ты займешься своим делом.

– Но я!..

– Он знает тебя в лицо, и может узнать. А меня – нет. Я спокойно пройду за ним, после чего поставлю его дом на прослушку. Вечером, дадут боги, уже будем слышать, с кем и о чем он говорит. Не спорь... и не обижайся, Кот! Все, я пошел, а то из виду их потеряю.

Оставив Кэйтлин хватать воздух и придумывать новые ругательства, я прогулочным шагом направился вслед за «ученым». Проговаривая про себя список дел, требующих моего участия и внимания, и тихо от него обалдевая.

«Проследить за Чернобородом. Вряд ли он будет долго гулять. Если женщина рядом с ним – его дочь, то семейная встреча должна бы уже и закончиться. Хотя она могла приехать из другого города к нему в гости, тогда... В любом случае где-то они живут. Пока гуляем – позвонить Кудряшу, подрядить на работу. Сколько это может стоить, интересно? А оборудование? Оно есть у него или мне нужно его покупать? И где? Как раньше было проще – сделал заявку и забыл. Все что нужно тебе принесут, а специалисты еще и настроят – только кнопки нажимай».

Парочка свернула к выходу из торгового центра, и я прибавил шаг. Не хотелось упустить их в уличной толчее или прозевать момент, когда они сядут в машину.

«При любых обстоятельствах до шести, в крайнем случае до половины седьмого я должен закончить. В это время Ноб должен быть еще на службе. Заскочить к нему, понять, что там за хрень с проклятыми артефактами – может, правда бывают? Или какая-нибудь еще вещь может довести здорового и не старого еще человека до сердечного приступа за месяц и не оставить никаких следов применения магии. А может, жена его тихонько чем-то травила? Малыми дозами, которые потом эксперты не обнаружили?»

Касательно дела, как я его назвал, «проклятого артефакта», мне было немного стыдно, но я уже желал, чтобы оно не оказалось пустышкой. И не только потому, что раскрытие его положительно скажется на моей репутации. Имелась еще одна причина – полученный аванс от Светлова я сейчас спущу на другое расследование, а отдавать такие деньги мне попросту нечем.

Чернобород тем временем усадил спутницу в красный «Даймлер», сам, обогнув хищную морду авто, уселся на место водителя. Я прыгнул в ближайшее такси, велел водителю следовать за подозреваемыми, сам же устроился на сидении так, чтобы меня нельзя было разглядеть в зеркале заднего вида, даже если мы сильно сблизимся.

– Твоя? – держа наготове понимающую улыбку, спросил таксист, примерно моего возраста мужчина с шикарными казачьими усами на пол-лица. По всей вероятности, он заметил женщину, которую Чернобород усадил в «Даймлер», и сделал вывод, что слежу я за ней.

– Угу, – неопределенно промычал я. Это было проще, чем придумывать другую причину преследования красной машины.

– Красивая! – оценил водитель. – Красивые, они все ветреные, я тебе говорю. Вот была у меня...

И он затянул историю про какой-то случай, произошедший с ним во времена «беспутной молодости», в которой фигурировала такая же ветреная красотка, разбившая ему

сердце и... Я слушал вполуха, одновременно ища в адресной книге коммуникатора телефон Кудряша.

– Здравствуй, – знаком попросив прощения у таксиста за то, что прерываю его «увлекательный» рассказ, поприветствовал я нужного мне специалиста.

– Антон Вадимович? Какими судьбами? – отозвался бывший вор удивленно.

– Помощь мне твоя нужна...

– Вы же знаете, для вас все что угодно!

– По прежнему профилю.

– Антон Вадимович!

– Все понимаю и жутко извиняюсь за такую просьбу, но...

У тебя сейчас как со временем?

Кудряш вздохнул с какой-то обреченностью:

– Через час заканчиваю на работе.

– Я тебе скину адрес, подъезжай туда, я тебя буду ждать.

Все объясню, чтобы не по телефону. Очень прошу.

– Буду, – коротко ответил отставной домушник и отключился.

А мы с таксистом еще минут тридцать ехали из центра к окраинам, туда, где высотки сменялись старенькими домами из саманного кирпича и дорогими особняками с двухметровыми заборами. Я выслушал от него еще штуки три истории, каждая из которых начиналась со слов: «Вот помню, был у меня случай» – и к концу поездки был готов задушить словоохотливого водителя. Зато ни одного вопроса от него не

дождался, что было несомненным плюсом.

«Даймлер» Черноборода остановился возле ворот двухэтажного особняка из красного кирпича, мы же припарковались за полквартала от него, закрытые густой листвой орешника.

– Будем ждать? – уточнил таксист, причем, как мне показалось, с надеждой на положительный ответ.

– Да, давай посидим, – мысленно прикинув объемы личности, ответил я. Перебрался на переднее сиденье, откуда наблюдать было удобнее, и приготовился к новой порции бесконечных, как степь вокруг города, историй.

«Ученый» галантно помог даме покинуть авто, распахнул перед ней калитку и сам скрылся за высоким забором. Вообще, чем больше я за ним наблюдал, тем меньше верил теории Кэйтлин про папу с дочей. Ну не ведут так себя отцы с дочерьми, уверен! Да, личного опыта не имею, но много раз видел у других. Хотя сходство имелось, тут моя сотрудница была права.

Я прождал около двадцати минут, прежде чем решил, что он сюда не на минутку заскочил, после чего отправил адрес Кудряшу. Онный приехал буквально через полчаса, спасая мои увядшие уже от нескончаемого монолога водителя уши. Поездка с ожиданием, кстати, обошлась мне в сорок три рубля – красиво живут частные сыщики!

– Ну, что тут? – без энтузиазма поинтересовался бывший вор, оглядывая тихую улочку, утопающую в тусклой осенней

зелени.

Был Кудряш уже не молод, да и жизнь его потаскала, но с момента нашей последней встречи явно похорошел. Видимо, хорошо питался, мало пил и не имел проблем с законом. Лицо его, раньше жесткое, волчье, подокруглилось, да и в талии он подобрел на пару размеров. Приехал на новеньком «Дуксе», меньше чем год, как из салона. Прямо совсем мешанином стал, небось еще и в кредит взял.

Я указал ему на интересующий меня дом, не забыв сообщить, что более не являюсь сотрудником полиции, а выступаю в качестве частного детектива. Данная информация, как ни странно, сделала печальное лицо Кудряша заинтересованным.

– То есть это по делу вашему? – уточнил он, по-хозяйски осматривая особняк. – Я слышал, что вы в отставку вышли, а когда мне позвонили, надумал себе невесть что.

Ну надо же, как сарафанное радио работает в определенных кругах! Первый день на «гражданке», а уже куча осведомленных лиц! А Кудряш, получается, решил, что я сразу после ухода из системы решил сменить сторону? Встал по другую сторону закона? Не сказать, что раньше такого с моими коллегами не случалось, но, черт возьми, обидно стало!

– В доме сейчас мужчина лет пятидесяти, похожий на университетского профессора, и женщина, весьма привлекательная, вдвое его моложе. Может и еще кто есть, я за ними следил, когда они сюда ехали. Мне нужно, чтобы ты убе-

дился, что они тут живут, и поставил дом на прослушку. Без санкции, естественно, – уточнил я на всякий случай. Бывший вор только усмехнулся понимающе. – По-хорошему, надо бы проследить за перемещениями «профессора», установить его круг контактов. И, если это возможно, как-то добиться того, чтобы прослушивать его телефонные переговоры.

– Антон Вадимович, а вы меня ни с кем не перепутали? – обращался ко мне Кудряш только на «вы», как привык еще, когда я в статусе следователя был. – И слежка, и прослушка, и в коммуникатор жучок поставить. Не говоря о том, что это не вполне законно, и не все я могу сделать, тут вам целая бригада нужна.

– Так выступи бригадиром, Кудряш, – оборвал я его. – Я уверен, ты сможешь подобрать людей. Я не предлагаю работать бесплатно, обозначь бюджет, клиент все оплатит.

– Хорошо платит? – знакомое мне по прежней жизни выражение на миг появилось на лице домушника.

– В разумных пределах, – вспомнил я высказывание Светлова. – Возьмешь подряд, бригадир?

– Но я нигде не свечусь, с клиентом не ручкаюсь?

– Все через меня. Тебя – нет.

– Тогда берусь, – махнул рукой Кудряш. – Все одно кредит за «ласточку» закрывать.

Глава 6

Непростое это дело – расстановка приоритетов. По уму, сейчас все мои усилия должны быть направлены на дело ритуала, успешно расследовав которое, я могу спасти не только наши с Кэйтлин жизни, но и предотвратить начало мировой войны. Тут двух мнений быть не может, заговор магов-экспериментаторов – приоритет.

С другой стороны, для выхода на след заговорщиков нужны средства, ведь ресурсов системы у меня за спиной больше нет. Чтобы получить деньги (точнее, отработать уже полученный от Светлова аванс), требуется заниматься «проклятым» артефактом, ведь другие способы заработка мне незнакомы. Тоже важно, верно?

А еще надо так выстроить работу, чтобы в итоге попасть в Секцию консультантом с целью использования возможностей организации к поиску тех, кто умеет пересаживать магию от эльфа к человеку. Это также имеет значение, да?

Вот я и говорю, что расстановка приоритетов – непростое дело.

С такими мыслями я выбрался из машины бывшего уголовника, а ныне моего первого частного подрядчика. Сунул ему аванс – последние две сотни наличности, сделал пометку завтра с утра сразу же обналичить чек Светлова и зашагал к центральному подъезду управы. Ноб, специалист «се-

ребрянки» по артефактам и силовым операциям, ждал меня, чтобы проконсультировать по делу Гущева.

Вообще, я не верил в существование артефакта, который может убить человека и не оставить никаких следов магии. Это было... антинаучно, вот! Заклинания всегда оставляют остаточные эманации, которые специалист способен проанализировать и дать квалифицированное заключение. Но версия есть версия, ее нужно было отработать, даже если считаешь ее тупиковой. Будь ты хоть на всю голову гениальным сыщиком, основы розыскной деятельности игнорировать нельзя.

– Такого не может быть, – ожидаемо подтвердил мои предварительные выводы гном.

Из всей Секции он один остался на службе, в ожидании меня коротая время за чтением оперативных сводок. Забавно, но увидев у него на столе ворох свежих распечаток, я ощутил в груди чувство утраты – мне подобное «развлечение» больше не было доступно.

Вопрос мой Ноба не рассмешил, а я, признаться, ждал от него именно такой реакции. Напротив, внимательно выслушав мой рассказ и подозрения Светлова относительно магической составляющей смерти партнера, он сделался серьезным и собранным.

– А если подумать? – скорее для проформы, чем в надежде узнать больше, спросил я.

Мысли мои были больше заняты Чернобородом, а не Гу-

щевым – трудности с приоритетом, да-да. Никак я не мог взять в толк, как человек, причастный к похищению девушки и проведению запрещенных экспериментов, спокойно гуляет по городу с дочерью. Или не дочерью, не это важно. Даже звучало это как бред. Он или его хозяева что, совсем не понимали, что их могут разыскивать? Беглянка как в воду канула, а им хоть бы хны? Или у них «крыша» такая, что можно не бояться случайного столкновения с пострадавшей?

– А если подумать, то тоже нет, – наконец ухмыльнулся Ноб. – Слушай, Антон. Ты же из УБОМПа, я думал, там знакомят с теорией артефакторики?

Гном, как я уже успел убедиться, был существом незлопамятным, но не вернуть шпильку, мной в свое время вставленную, не мог. Когда начальник только перевел меня к «серебрянкам», я не раз и не два проехался по поводу их профпригодности к розыскной деятельности. Теперь же получал обратку.

– Да так, по верхам, – отмахнулся я с улыбкой. – Ну нет, так нет. Просто я думал, гном, как представитель вида, придумавшего «консервацию» магии, может знать что-то, что не преподают на углубленных полицейских курсах.

Ноб на подначку и лесть отреагировал не так, как я ожидал. Отодвинул распечатки «оперативок», поднялся и с прищуром посмотрел мне прямо в глаза.

– А на тех курсах так и говорят?

– Что говорят? – не сообразил я, смущенный сменой его настроения.

– Что гномы придумали артефакторику?

– Ну, это как бы подразумевается... Признаться, я не уверен, так было или нет. Просто, когда мы говорим артефакт, мы подразумеваем, что он гномий, разве нет? В смысле, никто же больше этим не занимается?

– И раньше другие расы артефакты делали, и теперь тоже, – сказал гном. – КПД стазисного заклинания существенно ниже, чем у наших изделий, но какого-то видового ограничения на работу с артефактами нет. Любая Старшая раса, да и Младшая, если уж на это пошло, на это способна. Даже ракшасы тотемы делают.

– А... – было открыл рот я, но гном меня опередил.

– Нет. Принцип работы тот же, что и у наших артефактов. Орочий «сосуд», эльфский ильсанар, заговоренная тряпица домового – все действует в рамках существующих законов мироздания. Берется заклинания, «консервируется», как ты выражаешься, и помещается в предмет, характеристики которого способны его удержать. И все. Если твой Гушев был убит помещенным в артефакт заклинанием, оно бы оставило след.

Мой следующий вопрос к расследованию убийства никак не относился, но я не смог сдержать любопытства.

– Если все могут делать артефакты, почему же известно только о гномьих?

– Никто, кроме гномов, – в этом месте Ноб не удержался от самодовольной ухмылки, – не смог добиться уровня приемлемых потерь исходного заклинания при его «консервации» в носитель. Эльфы, до того как бросили это дело, достигли показателя эффективности в шестьдесят процентов, а остальные и того меньше.

Шестьдесят процентов – это немного. Почти половина мощности любого заклинания, помещенного в артефакт, теряется. Понятно, почему эльфы предпочитают магичить без посредничества – кому понравится, когда электрический разряд окажется на сорок процентов слабее по мощности? Гномы же сумели снизить потери до десяти, а в штучных работах до трех процентов.

– А накопители?

Я имел в виду хранилища чистой силы, своеобразные батарейки, которые маги могли использовать, когда заканчивались собственные резервы.

– А что с ними? Принцип тот же – консервация, правильно подобранные материалы и руноскрипт. В общем, не там ты ищешь, господин частный сыщик!

Еще одна подначка, тоже беззлобная. Я же, хотя с самого начала и не рассчитывал, что гном откроет мне какое-то «тайное знание» своего народа, немного поник. Но ненадолго.

«Не там ищешь!» – эхом отозвались слова собеседника, и я решил, что коротышка может быть не так уж и не прав.

Что если магия к смерти Гущева вообще не имеет никакого отношения? Не в том смысле, что смерть его произошла от естественных причин, а Светлов так щедр к нанятому детективу, потому что хочет подгрести весь бизнес под себя. Фермер не врал, он, может, и зажимал деньги вдовы, но лишь в рамках своего понимания ее справедливой доли. Положа руку на сердце, я бы тоже придумал какую-нибудь хитрую систему обсчета внезапно появившейся наследницы, которая претендует сразу на половину дела.

Нет, говоря о криминальном характере смерти партнера, он, возможно, и не был прав, считая, что всему виной «проклятый» кулон, но не ошибался в главном. А я просто пошел у него на поводу, в первую очередь проверяя версию с магией. А если все гораздо банальнее? Например, отравление? Эксперт, проводивший вскрытие Гущева не нашел следов яда, равно как и остаточных эманаций заклинания, но что если сам отчет подделан? Ведь вдова, предполагая большой куш, могла расщедриться и на серьезное вознаграждение.

Проверить это достаточно просто. Нужно лишь встретиться с экспертом и задать ему прямой вопрос. Понимания, правду он говорит или лжет, мне хватит для ответа. Одна только сложность: если я прав, он может просто отказаться от встречи, а я даже не смогу его заставить – статус не тот. Но и она решаема...

– О чем задумался? – Ноб наконец решил нарушить ти-

шину, воцарившуюся в кабинете.

Я поднял на него глаза и сказал:

– Слушай, а ты завтра с утра чем занят? Можешь мне помочь с одним делом?

Договорились мы быстро. Гном согласился съездить со мной к эксперту – его фамилию и место работы я взял из материалов дела, копию которого выдал мне Лхудхар. А в завершение консультации, он еще и великодушно предложил подвезти меня до дома. Памятуя о его манере вождения, я сперва хотел отказаться, да и время было еще не настолько позднее – общественный транспорт еще ходил. Но даже не успев открыть рот понял, что соглашусь.

День выдался непростым и полным впечатлений, а завтрашний обещал стать столь же насыщенным, так что имело смысл побыстрее добраться до кровати и лечь спать. Да и Кэйт оставлять одну надолго было неправильно. Появление Черноборода наверняка подняло такую волну с воспоминаниями, что страшно представить.

– А давай! – махнул я рукой и назвал гному адрес.

По дороге я слушал радио «Шансонье», которое Ноб выкрутил на максимум. Ведущий Гера Греков – вот же дурацкий псевдоним! – рассказывал, что творится в мире, стране и нашей солнечной провинции. На северном побережье Африки опять стреляли друг в друга роялисты и повстанцы (тоже мне новость!), но все пока обходилось без жертв среди мирного населения. В глубине Йеллоустонской кальдеры

что-то зашевелилось, и туда тут же рванули ученые со всего мира. Российская империя сурово требовала от Польши возвращения долга по поставкам углеводородов, обещая в случае задержки «закрыть кран». А в Екатеринодар прибывала известная певица-шансонье Лика Ладная (да они, блин, сговорились, что ли?), которая обещала «шокировать» поклонников своей новой «феерической программой».

Мы уже почти добрались до моего района, когда в кармане пиджака завибрировал коммуникатор. Чтобы не открывать глаза, я сразу поднес аппарат к уху и нажал прием. Сперва, правда, пихнув гнома в плечо, чтобы он выкрутил громкость радио на минимум.

– Походу, срисовали меня, командир, – услышал я в трубке голос Кудряша.

– Ноб, помедленнее, пожалуйста! – тут же бросил я водителю, чтобы можно было разговаривать с открытыми глазами, а у бывшего зека уточнил. – Подробнее!

– Да какие подробности! – голос Кудряша был напряжен, но не испуган. Судя по звукам музыки на заднем плане, он тоже был в машине. – Покрутился по району, посмотрел, где камеры, подходы-отходы, то да сё, а когда отъехал, они, походу, на хвост мне сели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.